

Боже, храни сумасшедших...

ПРОЛОГ, 1967

— Она должна быть в свадебном платье! — сказал Реджи Крэй.

— Да как ты смеешь! Мы ее родители и мы будем решать, в чем она будет! — взвился отец Френсис.

Мужчина ринулся в драку. Стоявший чуть поодаль Ронни Крэй едва успевал их разнимать. После платья нужно было решить еще один спорный вопрос. Отец девушки настаивал на том, чтобы Френсис оставила свою девичью фамилию — Ши. Реджи орал, что она его жена и должна носить фамилию Крэй. Двадцатитрехлетняя Френсис Ши-Крэй была в соседней комнате. Девушка предпочла не вмешиваться в эти споры.

Все препирательства когда-нибудь заканчиваются поражением обеих сторон. Реджи и Ронни Крэй вскоре вышли из небольшого двухэтажного особняка в викторианском стиле. Они должны были заехать к матери на Валланс-роуд, но Реджи хотел прогуляться. Они шли вдоль берега Темзы, не замечая того, что город окутывает туман, погода, и без того паршивая, окончательно испортилась, и вот-вот должна начаться гроза.

— Френсис... Что за имя такое отвратительное? — пробормотал Ронни.

— Что ты сказал? Повтори! — заорал Реджи.

Реджи с силой ударил брата. Ронни, казалось, ждал этого. Он наслаждался тем, что можно, как в старые добрые времена, устроить бой. Когда они учились в школе, в боксерских поединках всегда побеждал Реджи. Раньше он был более хитрым и ловким, но с годами все изменилось. Ронни совершенствовал свои бойцовские качества, а Реджи то и дело хотел отойти от дел, убежать и бросить его и Фирму.

Домой на Валланс-роуд они заявились поздно вечером. Когда Вайолетт и Реджи остались одни, женщина внимательно посмотрела на своего сына и сказала:

— Возможно, вам с Ронни нужно немного отдохнуть друг от друга. Помнишь слова того поэта? Френсис недавно цитировала: «Но не горюйте, когда вы расстаетесь с другом своим, ведь то главное, что вы любите в нем, может быть виднее в разлуке, как путешественнику гора видится лучше с равнины».

ИСТ-ЭНД, 1937

— Они могут не выжить, — сообщил доктор матери двоих трехлетних мальчиков. Голос врача не содержал ни единой эмоции. Ни сочувствия, ни горечи. Глухая пустота его слов внушала отчаяние. Вайолетт Крэй оцепенела от ужаса. Бедная женщина не нашла в себе сил даже для того, чтобы что-то ответить доморощенному эскулапу. Тут в комнату влетела сестра Вайолетт Роззи. Женщина накинулась на врача с кулаками и буквально вытолкала его за дверь, не забыв при этом приправить свои крики отменной бранью.

Никогда не унывающая Роззи тут же умчалась на поиски другого врача. В Ист-Энде образца 1937 года это было не так уж просто сделать. Отыскать телефон было трудно, а врачи не спешили ехать в самую мрачную и безысходную часть города. Здесь даже элементарная простуда могла обернуться смертельным диагнозом. Фабрики, заводы и мелкие лавочки, в которых обрабатывали кожу, чинили ботинки или красили одежду, бесперебойно снабжали воздух гарью, смогом и ядовитыми испарениями. Плохо отапливаемые помещения означали бесконечный и изматывающий холод, а гигантские щели в зданиях добавляли к этому постоянные сквозняки.

Близнецы Ронни и Реджи Крэй полулежали на кровати возле двери. Бессмысленный взор Ронни блуждал по стене напротив него. Поначалу казалось, что его стеклянные глаза пусты, как у плюшевой игрушки. Чем дольше и внимательнее приходилось всматриваться в них, тем больше,

казалось, ты понимаешь его. Через минуту ты попадал в воронку чужого безумия. Реджи лежал рядом. Мальчик дико орал, пытаясь оповестить мир о своем присутствии. Его щеки раздулись, волосы прилипли к покрытому испариной лбу. Температура зашкаливала. Одной рукой Реджи сжимал в руках кусок простыни, а другой держал брата. Казалось, что в этом мире их удерживает только белый кусок материи в руках Реджи. Мальчик буквально передавал Ронни ту отчаянную ненависть к миру и к людям, то и дело пытавшимся списать братьев со счетов.

— Я нашла, — с порога крикнула Роззи и буквально втащила за руку доктора. Подозрительно молодой врач лет двадцати четырех тут же принялся осматривать близнецов. Вайолетт вытолкнула за дверь неизвестно как просочившегося в комнату семилетнего Чарли, старшего брата близнецов, после чего подошла к молодому человеку и стала с тревогой наблюдать за его манипуляциями. Постоянно орущий, задыхающийся и красный от температуры Реджи опасений не вызвал, а вот у Ронни дела обстояли намного хуже.

— Дифтерия, — самодовольно сообщил врач уже и так известный Роззи и Вайолетт диагноз. После чего добавил: — Их нужно немедленно изолировать друг от друга. Я заберу их в больницу.

— Их нельзя разлучать, — воспротивилась женщина.

— Тогда они не выживут, — повторил молодой врач страшную фразу, которую за час до этого уже пришлось услышать Вайолетт и Роззи.

Женщинам ничего не оставалось. Они как можно теплее одели трехлетних мальчиков и отправили их в больницу. Реджи определили в госпиталь святой Анны в Тоттенхеме, а Ронни поехал в Хомертон.

Уже через неделю Реджи почувствовал себя лучше. Его организм быстро справился с инфекцией. Через десять

дней розовощекого и довольного жизнью Реджи выписали домой. Ронни же находился на грани жизни и смерти.

Дни и ночи напролет Вайолетт и Роззи дежурили возле постели ребенка. Больница отапливалась не лучше, чем жилые дома. Здесь гуляли дикие сквозняки. Запах лекарств разбавлялся умопомрачительной смесью ароматов улицы. Доктора буквально валились с ног от усталости. Количество пациентов явно не соответствовало человеческим возможностям докторов. Несмотря на все усилия, Ронни чувствовал себя все хуже. Вдобавок ко всему Вайолетт удалось подслушать пару неутешительных прогнозов насчет ее сына. Она некстати зашла на пост к дежурной, а там как раз обсуждали пациентов.

Наконец температура немного спала, и женщина решительно заявила, что забирает ребенка домой.

— Подумайте о своих сыновьях, это может быть опасно для Чарли и тем более для Реджи, — возмутился лечащий врач.

— Именно о них я и думаю, — отрезала женщина.

Едва живой Ронни Крэй вернулся домой. Реджи к тому моменту окончательно выздоровел и все свободное время проводил с дедушкой Ли.

Как ни странно, Ронни тут же пошел на поправку. Предчувствие Вайолетт не обмануло. Ронни не нужны были лекарства, ему нужен был брат.

Реджи всегда легче переносил разлуки с братом-близнецом. Он был веселым, открытым мальчиком, который стремился как можно больше узнать о мире. Ронни же всеми силами цеплялся за брата. Агрессивный, замкнутый Ронни с юных лет был безоговорочным лидером в любой компании. Подчинялся он только одному человеку — Реджи.

Вскоре мальчики вернулись на улицы Ист-Энда. Здесь проходило их детство. Этот район, располагавшийся в

тени фешенебельной части Лондона, традиционно населяли бедные и нищие люди. Писатели и поэты с упоением описывали мрачные улицы этой части города. Однаковые двухэтажные дома с насквозь прокопченными стенами, сточные канавы, до краев заполненные отходами, тяжелые лица местных жителей, которым никто не торопился давать почетное звание жителя Лондона. Обитателей Ист-Энда называли кокни.

Специфический акцент, свой сленг и стремление рифмовать слова создали особый тип диалекта. Обладатель такого произношения мог навсегда распрощаться с мечтами о сытой жизни. Эти люди обречены были работать на фабриках, становиться карманниками и пополнять когорту людей последнего класса.

Впрочем, человек всегда видит лишь то, что стремиться разглядеть. Обеспеченные писатели, журналисты и чиновники, волей случая оказавшиеся в Ист-Энде, стремились увидеть дно общества. Чем страшнее и мрачнее будет их описание, тем больше восхищенных взглядов они поймают во время своего рассказа. На самом же деле уроженцы Ист-Энда стремились раскрасить свою жизнь. Это желание появлялось сразу же после того, как они осознавали, что мечта покинуть Ист-Энд так и останется мечтой.

На каждом углу дома тут располагались пабы, подпольные казино или мюзик-холлы. Здесь любили и умели веселиться. Каждый вечер рабочие заводов собирались в барах и устраивали пирушки. Мюзик-холлы буквально ломились от посетителей. Людям необходимо было забыться на несколько часов. Спрос, как известно, рождает предложение. В музыкальных домах давали веселые оперы и водевили, в пабах или даже просто на улицах выступали музыканты, глотатели шпаг и жонглеры. Многие делали эти занятия основным заработком. Некоторые так подра-

батывали после рабочего дня. Естественно, в толпе орудовали карманники. Впрочем, обычно их жертвами становились случайно оказавшиеся здесь люди. Все местные прекрасно знали о том, как нужно себя вести в баре. Да и карманников тут знали в лицо.

«Район этот был чрезвычайно опасен: института полиции как такового еще не существовало — а сыкное ведомство на Боу-стрит, славное своими специфическими достижениями, совершенно неправлялось с насущными потребностями громадной столицы. Заезжим иностранцем мог считаться чуть ли не всякий третий. Матросы-индийцы, китайцы, мавры, негры попадались на каждом шагу. Носители тюрбанов, беретов и шляп всевозможнейших фасонов могли таить под ними поползновение к бандитизму любого сорта: их прошлое было непроницаемо для европейцев; кроме того, известно, что морской флот цивилизованных стран (а в период военных действий — преимущественно торговый флот) служил надежным прибежищем для самого разношерстного преступного сброва, имевшего веские основания хоть на какое-то время укрыться подальше от зорких глаз правосудия. Иные представители этого сословия действительно обладали приличной матросской сноровкой, однако почти всегда — и особенно если шла война — составляли лишь ядро судового экипажа, а в основном туда набирались неопытные сухопутные жители». (Томас де Квинси, «Убийство как одно из изящных искусств»).

Ист-Энд, казавшийся писателям начала века смрадной помойкой, для Ронни и Реджи был вовсе не таким. Тут был веселый дед Ли с тысячей различных историй, насе-

ленные непонятными предметами лавки старьевщиков, всегда открытый для них дом тети Роззи.

В основном воспитанием мальчиков занимались Вайолетт и ее сестры Роззи и Мэй. Именно они всегда готовы были помочь советом, и от них же мальчики получали нагоняи. Ну и старый дед Ли, отец Вайолетт, иногда ругал мальчиков. Впрочем, чаще он рассказывал страшные истории о Джеке-Потрошителе, орудовавшем на соседней улице. Имя этого маньяка, жившего в конце XIX века, стало проклятием Ист-Энда. Если до его появления кокни считались обычными работягами, то с появлением Потрошителя журналисты иначе как преисподней Лондона Ист-Энд не называли. Что оставалось жителям неблагополучного района? Они гордились Джеком-Потрошителем, карманниками, ворами, пабами, мюзик-холлами и старыми закопченными зданиями, за стенами которых протекали жизни горожан. Дедушка Ли частенько рассказывал о легендарных мошенниках своей молодости, знаменитых боксерах и великих гангстерах прошлого. Не такими уж они были великими, как рассказывал дедушка, но в сознании Чарли, Реджи и Ронни эти персонажи стали настоящими героями.

Братья Крэй обожали старого Джимми Ли, по прозвищу Пушечное Ядро, и бабушку Нэн. Родители Вайолетт, Роззи и Мэй были настоящими легендами Ист-Энда. Их молодость прилась на последние десятилетия XIX века. Пожалуй, самые бедные и тяжелые годы в истории восточной части города.

Худая и строгая Нэн редко вмешивалась в дела братьев. Большую часть времени она молчала. Если же она решала что-то сказать, то обычно это были либо ехидные замечания, приправленные немногим мрачным чувством юмора, либо отборная брань, достойная истинной кокни. Руку Нэн «украшала» черная шелковая лента. Этот аксес-

суар появился, когда Нэн было 13 лет. Лента менялась, но ни разу в жизни братья Крэй не видели запястья бабушки. Однажды она рассказала историю ленты. В 1880-х годах кокни не жили, а выживали. Здесь точно так же, как и в конце 1930-х, орудовали попрошайки, работали пабы и устраивались ярмарки. Центром жизни все так же были рынки и бары. С самого утра уличные торговцы занимали выгодные для продажи места. Крики и брань здесь не стихали до позднего вечера. Скупка краденого, мошенничество и азартные игры все так же процветали. И уж конечно, рынок не был стихийным явлением, его контролировал один человек. Его имя знали все, кроме полиции, которую сюда старались просто-напросто не пускать.

«Я всегда любил атмосферу рынка Биллингдейт. Если верить рассказам Джимми Ли, за столетие здесь практически ничего не поменялось. Еще ребенком я частенько сюда прибегал. Кругом суета, в разные стороны бегают носильщики с пирамидаами коробок в руках. Они все время балансировали на грани, то и дело, падая и заваливаясь. Воздух был буквально наполнен шумом: крики мужчин, смешанные с визгом чаек, детские голоса и брань торговок. Это было очень загадочное место, со своими секретами и тайнами». (Реджинальд Крэй)

В день открытия ежегодной ярмарки юная Нэн со своей матерью готовились к приходу гостей. Вчера ее мать потратила последние деньги на то, чтобы купить продукты для праздничного ужина. Нэн резала хлеб и смотрела в окно. По улице шли толпы веселых и уже не очень трезвых людей. Кто-то выкрикивал забавные стихи, которые здесь знали все, кто-то пытался развязать драку. Это зрелище настолько увлекло девушку, что та не услышала кри-

ков матери. Устав орать, женщина подскочила к девочке, отобрала у нее нож и полоснула ее по запястью.

— Так понятнее будет. Сколько раз я сказала, чтобы ты тоньше нарезала куски?! — заорала женщина.

Такое было в порядке вещей. Нельзя сказать, что она не любила свою дочь. Просто слишком много сил нужно было потратить для того, чтобы заработать на кусок хлеба.

Через год после появления ленты на руке Нэн собралась вечером выйти на улицу. Зачем ей это понадобилось, даже сама женщина уже вскоре забыла. Нэн успела пройти сотню метров, она дошла до Хэнбери-стрит, как ее остановил сосед, вызвавшийся патрулировать район. Патруль организовали всего неделю назад, после жестокого убийства Мэри Эн Николз на Бакс Роуд. Убийцу женщины прозвали Джеком Потрошителем, так как женщину нашли с распоротым животом. Сосед Нэн сказал, что на Хэнбери-стрит заметили странного человека, и лучше бы Нэн вернулась домой. Девушка последовала совету. Через несколько минут она услышала душераздирающие крики, приглушенные стенами вереницы кирпичных домов, отделявших дом Нэн от Хэнбери-стрит.

Наутро, 8 сентября 1888 года, на Хэнбери-стрит нашли тело Энни Чепмен, второй известной жертвы самого знаменитого маньяка в истории человечества.

Джимми Ли тоже имел свои скелеты в шкафу семейной истории. Он родился в семье мясника Кручи. Человек со странным именем и цыганскими корнями сделал хорошую карьеру. Трудолюбивый и работящий, он женился на честной женщине. Вскоре у пары родилось шестеро детей. Большая семья не могла больше жить на скромное жалованье мясника, и тогда Круча решился на открытие собственной лавки. Поначалу с деньгами в семье стало еще хуже, но уже через год магазин начал приносить доход. Жизнь потекла своим чередом. Дети подрастили, а

бизнес развивался. Круча открыл собственную скотобойню, чтобы не переплачивать за товар. Зимним вечером он возвращался домой. Гужевая повозка попала в яму и перевернулась. Мужчина получил серьезную травму головы и переломал все кости, но остался в живых. Через месяц он пошел на поправку, и все стало по-прежнему, но в один из дней он будто обезумел. Вызванный врач поставил ему эпилепсию, вызванную травмой головы. Припадки случались с завидной регулярностью и могли длиться несколько дней, но в остальное время отец Джимми вел себя вполне正常но.

Той страшной ночью у Кручи вновь случился приступ. Его жена не заметила, как он проснулся и куда-то ушел. Забеспокоилась она только, когда услышала крики детей. Ворвавшись в комнату, она увидела мужа с топором в руках.

Он не видел перед собой детей. Разум Кручи сыграл с ним злую шутку и перенес его на скотобойню. Мужчина взял топор и занялся привычной работой. Вошел в свинарник и увидел шестерых отчаянно визжащих поросят, которых нужно было зарезать, чтобы перед Рождеством в лавке было достаточно товара.

Жена Кручи умудрилась спасти своих детей. Наутро мужчина пришел в себя и ужаснулся тому, что рассказала его жена.

Женщине ничего не оставалось. Она отправила Кручу в психиатрическую лечебницу и встала во главе семейного бизнеса. Джимми подрос и стал достойным представителем когорты трудных подростков Ист-Энда. Веселый, огромный и невероятно сильный, он легко находил себе подработку на рынке или в порте. Оказавшись на ежегодной ярмарке, он вызвался поучаствовать в уличных боях. Глупо было бы упускать возможность заработать пару пенсов. Он легко победил соперника, а затем и еще одно-

го. Ли стал частым гостем в клубе, где устраивались подпольные бои. На следующий год он пришел на ярмарку в качестве знаменитого боксера. Это звание он подтверждал многие десятилетия подряд.

Вайолетт была младшей дочерью Джимми и Нэн. Естественно, когда девушка подросла, она стала вместе со своими сестрами Роззи и Мэй бегать на танцы. Никакие запреты родителей не способны были удержать стремительно взрослеющую девушку. Когда Вайолетт было шестнадцать, она в третий раз в жизни отправилась на танцы, которые проходили на Хакни-роуд. В самом начале вечера ее заметил темноволосый молодой человек по имени Чарли Крэй. Он моментально влюбился в девушку. Пересялив невесту откуда взявшуюся стеснительность, он все-таки пригласил ее на танец. Так началась их история.

Чарли к тому моменту исполнилось девятнадцать. С точки зрения Джимми и Нэн, невообразимый старик для их дочери Вайолетт. Родители запретили ей встречаться с Чарли, но истинная кокни, естественно, наплевала на все запреты. Очень скоро она сбежала из дома. Пара тайно поженилась и сняла небольшую комнату на Хакни-роуд. Джимми проклял их союз и велел дочери никогда больше не появляться на пороге его дома.

Чарли зарабатывал на жизнь тем, что скупал вещи недавно умерших людей. Он узнавал, в каком из домов скоро будут проходить похороны и приходил к родственникам безвременно ушедшего. Он начинал уговаривать людей продать оставшуюся у них одежду покойного. Люди быстро соглашались. Тогда он качал головой и говорил, что за это они выручат слишком мало денег. Намного больше они получат, если продадут ювелирные украшения своего родственника. Чаще всего люди соглашались. По мнению Джимми Ли, Чарли занимался низкой и недостойной ра-

ботой. И вообще-то он был прав, но деньги, как известно, не пахнут. Когда в семье Вайолетт стало совсем тugo с деньгами, Джимми и Альберт, муж Мэй, стали помогать Чарли в его деле.

Вскоре Вайолетт забеременела. Через девять месяцев на свет появился Чарли Крэй-младший. Джимми и Нэн не смогли устоять перед искущением познакомиться с внуком. Когда они увидели мальчика, их сердца растаяли. Они поняли, что Чарли вовсе не так уж плох, как им казалось. Впрочем, относились они к нему все равно с недоверием.

Буквально сразу же после рождения Чарли Вайолетт снова забеременела. Через семь месяцев в молодой семье Крэй родилась девочка. Ее назвали в честь матери. Девочка родилась раньше срока и была очень слабенькой. Она умерла через несколько дней после рождения.

Вайолетт очень тяжело переживала смерть дочери. Она стала худеть, под глазами появились черные тени. То и дело случались обмороки. Джимми и Нэн стали часто навещать дочь и даже иногда перебрасывались парой фраз с Чарли. Естественно, в том состоянии Вайолетт было на это совершенно плевать. Когда она в очередной раз упала в обморок, вызванный врач сказал Чарли:

— Было бы очень хорошо, если бы девушка вновь забеременела. Она теряет волю к жизни, а перед этим медицина бессильна.

Через год после этого разговора на свет появились близнецы Ронни и Реджи Крэй. Близнецы рождались в Ист-Энде редко, поэтому Чарли и Вайолетт Крэй стали знаменитостями Бетнал-Грин.

Рождение близнецов окончательно растопило сердца Джимми и Нэн. Через два с половиной года молодая семья переехала на Валланс-роуд. Здесь в доме по соседству жили Джимми и Нэн. Через дорогу жила сестра Вайолетт

Роззи с мужем и сыном, а в паре минут отсюда располагались апартаменты семьи старшей сестры Вайолетт Мэй.

Длинная улица, состоящая из вереницы однотипных домов, располагалась между Вайтчепел-роуд и Бетнал-грин-роуд. Дом номер 178 выглядел удручающе. Мрачные стены были изъедены паутиной и плесенью, повсюду валялись какие-то обломки мебели, то и дело под ногами шныряли крысы. Гостиная, кухня, кладовая и три спальни на втором этаже. Вот и все. С дополнительными сюрпризами дома семья ознакомилась в первую же ночь. Чтобы проветрить помещение повсюду открыли окна. Днем здесь было относительно тихо, но по ночам раз в тридцать минут дом сотрясался от грохота проезжающих поездов. Железная дорога была всего в паре минут от Валланс-роуд. Предыдущие владельцы дома об этом почему-то забыли упомянуть.

Вайолетт все равно была рада. Рядом жили Джимми и Нэн, которые с появлением близнецов окончательно смирились с существованием ее мужа, да и сестры тоже были рядом. Очень скоро стены дома перекрасили, а дом заполнили запахи вкусной еды и громогласные звуки детских голосов. На окнах появились желтые занавески, которые даже через полвека будут у близнецов ассоциироваться с домом. Благодаря работе Чарли они быстро приобрели недорогую и не очень новую, но добротную мебель.

* * *

Джимми Ли часто водил маленьких Реджи и Ронни на ежегодную ярмарку. Излюбленным развлечением деда Ли был фокус с облизыванием раскаленной кочерги. Благодаря этому трюку он в свое время зарабатывал неплохие деньги. Джимми просто приходил в бар, изображал, что вдребезги пьян, и привязывался к кому-нибудь с фразой вроде: «ну что, не веришь, что я дотронусь языком до рас-

каленной кочерги?». Люди не верили и заключали пари. Через десять минут внезапно протрезвевший Джимми пересчитывал внушительную стопку купюр. Секрет был в том, чтобы вовремя поймать момент, когда железный прут раскалился не до конца.

Чарли Крэй-старший окончательно переквалифицировался в скупщика драгоценностей, вещи умерших он больше не приобретал. Муж Вайолетт теперь часто уезжал на поиски редких украшений и мог не появляться дома неделями. Впрочем, даже в те дни, когда он бывал в Ист-Энде, дома его редко можно было застать. Большую часть времени Чарли проводил в питейных заведениях окраин Лондона. С мальчиками Чарли иногда проводил редкие беседы о том, что женщина должна знать свое место. Строгая с мальчиками Вайолетт никогда не перечила мужу.

«Отец практически все свободное время проводил в барах, но мама никогда не упрекала его в этом. Ей было вполне достаточно того, что по вечерам она оставалась дома со своими детьми и выходила куданибудь с отцом пару раз в месяц. Несмотря на любовь к выпивке, он был хорошим отцом. В отличие от других женщин Ист-Энда, матери никогда не приходилось работать. Близнецы и я никогда не имели возможности сутками напролет шататься по Ист-Энду, как это делали другие дети». (Чарльз Крэй)

Как и все мужчины Ист-Энда, Чарли Крэй-старший был помешан на боксе. Он никогда не занимался этим спортом, но обожал посещать бойцовские клубы, которые здесь были повсюду. Естественно, братья Крэй чуть ли не все детство в них проторчали. Сюда их водил девушка Джимми Ли, отец и многочисленные родственни-